

Вячеслав
Мановалов

СЛУЧАЙНЫЙ ПУТНИК

СОНЕТ САЛИЖАНУ ДЖИГИТОВУ

Чадящие лики шумера,
берцовые кости омара
хайама. Царица тамара
с котлом. Юрты горняя сфера.

Гомеровская химера –
осенним распадком отара,
окутана облаком пара,
грядёт, словно высшая мера.

Все это – киргизская лира,
сплав бедного палеолита
с латиницею алфавита,

оплёванная пальмира,
где в зеркале видно полмира,
а прочее – смертно и скрыто.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР С ЭПИЧЕСКИМ ГЕРОЕМ

Олжасу

...На скакуне Ак-Куле Он скачет по древней земле,
теряя юных соратников, растратив судьбу свою.
Он полон чужой мольбы, надежд, рождений, смертей,
задыхаясь от чьих-то скорбей. Таким Он пришел ко мне
бессонной тяжелою ночью, у бед моих на краю,
и молча забрал мою боль. Но стало еще больней.
Ночь исполненья желаний молитвой не расколоть –
каменную слезу синей зарницей пролей! –

не всем отзывается Он. И тесен воздух Ему,
в сиротстве космической ночи – черна бесплотная плоть:

– Зачем беспокоишь, смертный, смерд нездешних кровей,
зачем в чужую стучишься тысячелетнюю тьму?..

– В сны принца Шокана врывается ты, каменный исполин,
являлся – белогвардейской юной крови хлебнуть
или демонским слухом внедриться в новые слезы и смех?

– Завет нездешнего мира для всех вас неисполним,
зову я детей кочевья продолжить мой горький путь –
чтоб научились слышать спетое не для всех...

– С годами грубее камня становится разум земной,
и тот, кто поёт о Тебе, уже изверился вдрызг,
да Ты и сам притворился, что вновь всесилен и юн.

– Но каждый певец воскликнет: Манас являлся – за мной!..

– Века воспевают Тебя, побед Твоих горький приз,
но как пульсирует боль в шрамах победных рун...

– Да, я прихожу к певцам, вливаю в них древнюю кровь,
в которой гудят напевы и стелется тишина! –
да, в слабую память вживляю события и имена,
ненависть, хмель отваги, жизнь и смерть и любовь! –
да, с ужасом и восторгом растерянная страна
каждой травинкой тянется в грядущие времена!

...Он скачет чуткою степью на скакуне Ак-Куле,
и гладит серый ковыль обводы медных стремян.
А где-то в аиле голодном малец, не знавший отца,
плача, пробует голос в одушевленной мгле,
провидит пугающий путь, колких звезд караван,
где Он воззрился во тьму – отец, не знавший мальчика.

* * *

В час, когда усмехнулся Создатель миров:

«Наваял я, однако!» –

и на нищий забвенный отеческий кров
свет спустился из мрака,

в час, когда утомился Создатель картин
и над елями склона

коматозный рассвет ветерок закрутил –
и качнулась корона,

в час, когда над росистой кручей табун
 волчье эхо взметнуло
 и в томительный миг чесучёвый трибун
 зад отклеил от стула,
 в час, когда, умирая, сановный старик,
 не доеденный славой,
 дольше века толпою расхватанный миг
 длит в разборке кровавой, –
 в этот час потерявшийся здесь, на земле,
 ошалевший от горя в людской кабале,
 очумевший в скитаньях,
 пегий пес уплывал на большом корабле
 с погонялом Титаник,
 и забился, дрожа, под колючий настил
 человеческого дома,
 и железному чуду все боли простил
 в предвкушении грома,
 и когда пронизал корабельную плоть
 древний ужас удара,
 стрелкам снова сойтись заповедал Господь
 в силу Божьего дара,
 и последний герой, что присел на иглу,
 что на свечку не дунул,
 с облегчением выдохнул в вечную мглу:
 «Айсберг. Так я и думал...»

Из рождественского цикла
«Чаша»

РОЖДЕСТВО В ТАШ-РАБАТЕ ¹

Рассвета линия сырая в объятья караван-сарая
 ведёт – из ада ли, из рая, однако вновь – и в рай, и в ад.
 Сын Божий, разве так годится – среди язычников родиться
 и срок отпущенный трудиться в пути с восхода на закат?

Презрительно взирая в завтра, верблюд с гримасой динозавра
 плюёт, по требованью жанра, на всё, что видит на земле,
 из тьмы шагая к нашим эрам и времени служа примером.
 И женщина в хиджабе сером спит, зябко сторбившись, в седле.

На тропах, развращённых шёлком,
 рассвет глядит голодным волком,
 и солнце видится осколком пропитанного пылью льда,

¹ Руины древнехристианской крепости-монастыря, постоянный двор для торговых караванов на тьянь-шаньском севере Великого Шелкового пути.

и мгла к лицу средневековью, и снова нужен тот, кто кровью дорогу к новому становью за нас оплатит, как всегда.

Руины саманидской кладки, вчерашних бедствий отпечатки, тысячелетние заплатки. Эй, караванщик, как дела? – и грузный нар, весь в жёлтой пене, припал со стоном на колени, и женщина сквозь свет без тени с седла высокого сошла:

с трудом, в навозной жиже, в стуже, прислушиваясь к тьме снаружи, льдом отороченные лужи обходит и глядит во тьму, несёт под долгий плач напева своё измученное чрево, сосуд любви, предвестье гнева – и то, что суждено ему.

Сын Божий, ах, зачем ты рвёшься туда, где бед не оберёшься, ведь этот мир, как ни тревожься, опять у дьявола в горсти, не просыпайся в вечной неге! – замрут пески, замёрзнут реки, умолкнет зов, волхвы навеки утратят вехи на пути.

Но озарили полог низкий – мрак боли, гул стихий неблизкий, стон облегченья материнский, бездомного страданья страх, и запротестовала эта тьма, и потребовала: света! – и истеричная комета забуйствовала в небесах.

Добра и зла не принимая, прими дитя, юдоль земная! – бессмысленна судьба людская, но тих бездетный небосклон, безгрешны – кесаря сеченье, горящих старых книг свеченье, времён грядущих отречение от прошлых, стало быть, времён.

Светильники небес погасли: в сколоченные наспех ясли младенца мать в тревожной ласке, печальной радостью полна, укладывает на солому, прислушавшись к чужому дому, к безмолвному чужому грому, пронзающему времена.

Что ж, бедная судьба – богата, когда под сводом Таш-Рабата затеплился костёр адата. И в равнодушной тишине, под материнскою рукою ребёнок спит, пока покою его – сообщество людское не позавидует в огне.

Пугает высь хвостатый демон астрологическою темой, и близок нам одним уж тем он, что, комментарием служа, напоминает, сколь прекрасно сквозь время движется пространство. Большого Взрыва постоянство. Отрыжка разума. Душа...

Из многомерзостного блюда, из тьму отвергнувшего чуда, он – мухаммад, христос и будда, он, безымянный гильгамеш, воскликнет: вот она, дорога к порогу Бога, но как много необратимого итога таит познания мятеж!..

Зов неожиданного горна – услышим! – вырвется из горла,
земля вздохнёт легко и скорбно – совсем как старшая сестра,
потянется сознание к сети, сиротствуя на белом свете,
там, где дыханье старой смерти над ухом слышится с утра.

Настанет, поздно или рано: евангелie от талибана,
и рёв голодный калибана, и гнусный ад, и грустный рай.
Венец творенья вновь похерит всё, чему так влюблённо верит.
И лет несчётных не измерит старинный караван-сарай.

Зачем я здесь, случайный путник,
дитя толпы, погрязшей в плутнях,
из всех полупризнаний мутных плету истории каркас,
подглядываю за твореньем и не гнушаюсь повтореньем?..
Но полон мир безмерным зреньем: не видим мы, а видят – нас!

Тревогой и любовью ранен младенец-инопланетянин.
Его полёт тревожно странен,
он из невидимых высот
нас, грязью травленных, хоть режьте, –
зовёт к немислимой надежде.
Спасти нас хочет, как и прежде!
Но, как и прежде, – не спасёт.

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Солёная чаша полна тенгрианскою синью:
приляг на попону над каменно-злобным карнизом –
с высот Арашана стекает пропахший полынью
немолкнувший ветер, учебник зовет его – бризом.
Тяжёлые птицы неведомой хищной породы
на стенах мазара торчат, как столетья покоя.
И жирные песни творят под шатрами рапсоды,
и старая нота пронзает истёртой тоскою.
Тяжёлое небо прогнулось над горной долиной –
вот, кажется, звёзды, как мелочь для нищего, бросит:
пока собирались мы к веку явиться с повинной,
кочёвка пришла – и настала пустынная осень.
Усталые кони остатки травы подбирают.
С котомкой кашгарский шиит – будто оптинский инок.
В потемках безмолвно на мир незнакомый взирают,
встречаясь, глаза казаков и замужних бугинок.
Мы мир свой забыли и стали бесплотною тенью,
не помнят и нас, поклоняются богу иному:
дорога к ущелью длиннее, чем век поколенья,
спешили домой – а прибились к подворью чужому.

Что было в начале пути – ни к кому не вернётся,
с озёрного дна ухмыльнётся дворец Тамерлана,
оступится конь на тропе, и казак встрепенётся,
и серп в небесах обернётся судьбой без обмана.
В тифозном бреду разве вспомнить, зачем начинали
дорогу в полмира – чтоб путь оборвался в полсвета.
И мнится: пичуга, тоскуя на черной чинаре,
по-русски поёт, генерал!.. Впрочем, глупость всё это.

В ЗАЩИТУ СВИДЕТЕЛЬСТВ

Эпохами отобедав,
этноты прут без цурюков
от пассионарности дедов
к транссексуальности внуков.

Немного, видно, рубруков
в толпе меж гуннов, венедов,
у очевидца кредо – в том,
чтоб сгнуть без звуков.

Полчища в ритме торжищ
сочтёшь, впотьмах подытожишь –
чужой, сирота, историк! –

ведь всё, что циник набрешет,
поправить мечтает стоик
до того, как зарежут.

Шаповалов Вячеслав Иванович родился и живет в г. Бишкеке (Фрунзе). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат Государственной премии КР, литературных – Русской премии, Премии им. Фазыля Искандера и других. Автор 12 поэтических сборников, ряда книг переводов поэзии Запада и Востока, монографий. Доктор филологических наук, профессор, академик. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Литературный Киргизстан», «Luterratura», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Шо», «Эмигрантская лира», «Prosodia» и др. В «Просторе» – впервые.

